

Но то, как резко Чу Хэнъи набросился на Е Минчжао, как только переступил порог, все видели. Старшему господину Е стало неловко, и он сказал:

— Ты же говорил, что тебе нравится новый спорткар Ferrari? Я дарю его тебе.

От этих слов и без того молчаливый Чу Хэнъи нахмурился ещё сильнее.

— Лучше не надо, — Е Минчжао хлопнул своими «цветками персика», — я собираюсь сниматься в кино, так что вряд ли у меня будет время гонять на спорткаре.

Все оторопели. Даже Чу Хэнъи, хранивший до этого молчание, поднял на него глаза.

Госпожа Е была в полном замешательстве:

— Ты собрался сниматься? Когда? Я ничего не знала.

— Я только что решил, — улыбнулся Е Минчжао. — Один мой друг работает продюсером и пригласил меня на эпизодическую роль. Мне стало интересно. А что касается моих нынешних обязанностей, я всё передам как можно скорее — папина и старшего брата работа не пострадает.

Члены семьи Е переглянулись.

Председатель Е нахмурился:

— Я против.

Старший брат тоже был против:

— Это слишком поспешное решение. Не понимаю, зачем тебе это? Ты всегда говорил, что хочешь помогать мне и отцу и вывести корпорацию Е на новый уровень. И вдруг — податься в актёры? Как это впишется в твои жизненные планы?

— Актёром тоже хорошо, — мягко возразил Е Минчжао. — Много денег, слава, да и не так утомительно. Мне кажется, в жизни стоит пробовать разное. Заранее решить, чем займёшься на всю оставшуюся жизнь, — как-то расточительно, разве нет?

Он улыбнулся ещё теплее:

— К тому же я уже дал слово. Не могу же я подвести друга.

Прежде чем кто-либо успел ответить, в разговор неожиданно вмешался Чу Хэнъи:

— Когда ты дал слово?

Е Минчжао посмотрел ему в глаза и с улыбкой ответил:

— Не так давно.

Чу Хэнъи, не сводя с него ледяного взгляда, произнёс без обиняков:

— Уходишь так спешно, чтобы все думали, будто я, Чу Хэнъи, не могу тебя терпеть?

При этих словах все замерли. Все, кроме самого Е Минчжао, невольно затаили дыхание. Очевидно, Чу Хэнъи высказал вслух то, о чём никто не решался говорить.

Е Минчжао улыбнулся ещё более ослепительно:

— Откуда такие мысли? Мне просто показалось, что сниматься в кино — забавно.

«Не раньше, не позже, а именно в день моего возвращения он принимает такое решение. Случайность? Как скажешь.»

Взгляд Чу Хэнъи стал ещё холоднее, почти ледяным. Он впился глазами в Е Минчжао, словно пытаясь заморозить его на месте.

Е Минчжао ни на шаг не отступил — всё так же улыбался в ответ.

«Переродился? И что с того? Думаешь, десять лет жизни вперёд дают тебе преимущество — и ты сможешь подкопаться под меня? Хочешь разоблачить моё истинное лицо, чтобы все отвернулись от меня и вышвырнули из дома?»

В его ясном, чуть льстивом, таком послушном взгляде проступала всё более глубокая покорность. При смене освещения в глазах мелькал влажный блеск, похожий на непролитые слёзы.

Но при этом его осанка становилась всё мягче, голос — всё покорнее, и вся его поза незаметно, но неумолимо,ставляла Чу Хэнъи чёрствым, грубым, безжалостным агрессором.

На душе у Чу Хэнъи стало мутно.

Он чувствовал, что ещё не успел нанести удар, как уже увяз. Эта непроницаемая мягкость не только бесшумно погасила всю его агрессию, но и сдавила его, лишая воздуха.

Даже понимая, что перед ним лишь спектакль, Чу Хэнъи невольно задался вопросом: а не перегнул ли он палку?

Ведь в этот момент Е Минчжао ещё ничего не сделал.

«Вот пусть сначала начнёт — и тогда я разоблачу его. Да! Так и будет.»

Чу Хэнъи прокрутил эту мысль в голове и вдруг спохватился:

— Ты хочешь сниматься в кино?

«В прошлой жизни такого не было!»

Госпожа Е больше не могла сдерживаться и, заплавав, выпалила:

— Он только что говорил, что хочет переписать на семью Чу квартиру в центре, просто потому что они растили тебя восемнадцать лет. Он сказал, что хочет отплатить им за нас — за всю семью Е.

Все в комнате замерли.

Председатель Е и старший брат с умилением и гордостью посмотрели на Е Минчжао. Председатель Е растроганно проговорил:

— У тебя доброе сердце, мы это ценим. Но эти расходы не должны ложиться на тебя. Семья Чу вырастила моего сына — мы, его родители, сами достойно их отблагодарим.

Е Минчжао мягко улыбнулся и тихо произнёс:

— Я уже отправил адвоката, чтобы он вместе с семьёй Чу оформил переход прав. Я хочу переписать на них квартиру в центре, а свои акции корпорации Е и долю в семейном фонде передать брату Минъи.

Члены семьи Е нахмурились, но Е Минчжао, не дожидаясь их возражений, добавил:

— Не уговаривайте меня. Всё это по праву принадлежит брату Минъи. Мне не повезло с родителями — я с детства сирота. То, что папа и мама взяли меня из приюта и я вырос в семье Е, — уже само по себе большое счастье в моей жизни. Нельзя быть слишком жадным. Я

получил лучшую семью на свете и не стану цепляться за материальные блага. Папа с мамой взяли меня только из-за брата Минъи. По сравнению с ним, которого в детстве похитили и разлучили с родными, мне уже очень повезло. Пока он страдал и терпел лишения, я занимал его место, пользовался любовью папы, мамы, старшего и второго брата. Теперь, когда он здесь, я должен вернуть ему всё это.

Говоря это, Е Минчжао почувствовал, как глаза защипало, и с запинкой добавил:

— Но я правда не хочу расставаться с папой, мамой, старшим братом и вторым братом...

Он говорил так искренне, так проникновенно — он и правда не дорожил материальными благами. Его слова тронули всех в семье Е до слёз.

Только Чу Хэнъи оставался безучастным — всё то же каменное лицо, всё та же непроницаемая маска. Лишь в янтарных глазах мелькнула лёгкая растерянность.

<http://bllate.org/book/17986/1734910>